

ВИКТОР КУЗЕН В РАЗВИТИИ ГЕГЕЛЕВЕДЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

И.С. КУРИЛОВИЧ

«Столица цивилизованного мира»¹, — так 57-летний Гегель называл Париж, гуляя по городу в компании французского друга и с туристическим путеводителем в руках. Философ с тюрингенской юности восхищался Францией и до последних лет жизни праздновал День взятия Бастилии². Кажется неслучайным, что «Феноменология духа» дописывалась в нескольких километрах от места знаменитой двойной победы Наполеона³ и в 1807 г. вышла из типографии на территории подконтрольного Франции Рейнского союза. Однако с первым французским почитателем немецкий философ встретился лишь 10 лет спустя, в 1817 г. Еще через 10 лет тот же почитатель познакомит Гегеля с красотой Парижа, а позже обвинит во всех бедах своей страны и на 100 лет задержит приход гегелевской философии во Францию⁴.

«Король философов» и имя Гегеля

Трудно оценить преувеличение, будто на левом берегу Рейна Гегеля как философа узнали благодаря поездке в Германию 24-летнего преподавателя Сорбонны — Виктора Кузена (Victor Cousin, 1792—1867). Однако несомненно то, что именно он принес во Францию имя Гегеля.

Чрезвычайно успешный молодой человек, родившийся в сотрясаемом девизом «Свобода, равенство, братство» Париже, — Виктор Кузен сочетал в себе значительную эрудицию и целеустремленность⁵. Он считался гордостью меритократических инициатив новой Франции пока либеральная оппозиция Бурбонам сохраняла силу в правительстве. Из современников наибольшее влияние на Виктора Кузена оказали мыслители, отчасти противоречиво религиозные и известные более как политические деятели умеренного и роялистского крыла: с одной стороны, наставник и старший коллега Пьер Поль Ройе-Коллар, который популяризировал во Франции идеи шотландской школы здравого смысла, особенно Томаса Рида, и был противником сенсуализма Кондильяка; с другой стороны, знаменитый поклонник Кондильяка, философ-спиритуалист Мен де Биран.

Прочитав книгу Жермены де Сталь «О Германии»⁶, Кузен решил потратить конец летнего отпуска 1817 г. на поездку за Рейн. Он заранее позаботился о встречах с местными философскими знаменитостями. Кузен нанес визиты братьям Шлегелям, Шлоссеру, Гёте, Шлейермахеру, Фризу, Даубу, Теннеманну, Шульце. Приехав в Гейдельберг и не найдя там Шеллинга, случайно, как уверял он сам⁷, встретился и познакомился с Гегелем.

Между Гегелем и Кузеном как будто завязалась искренняя дружба. Кузен называл Гейдельберг второй родиной⁸, а Гегель приезжал погостить к нему в Париж. Кузен немало получил от этой дружбы: беседы

и переписка с Гегелем; расширение связей⁹ общительного до назойливости француза в немецких научных и административных кругах; возможность удовлетворить навязчивое стремление — едко, слишком едко высмеянное Гейне¹⁰ — прослыть знатоком немецкой мысли.

Сразу после возвращения Кузен обустроил философский виварий под видом курса «Об Истине, Красоте и Благости» — сначала в альма-матер, а через полтора года в Сорбонне. В полную противоположность гегелевскому подходу и в лучших традициях картезианства Кузен начал с того, что предложил метод — так называемый эклектизм. Новизна метода В. Кузена и выбор его названия соответствовали его подходу. Он укладывался в позитивное понимание эклектизма, которое утвердилось еще в вольфианском систематическом изложении Лейбница: «Как бы меня ни убеждали, будто я или кто-либо другой видит истину (непосредственным образом), я пытаюсь сохранить все хорошее, где бы оно ни встретилось и забочусь только о том, чтобы освободить все это от привычных предрассудков, дабы не нанести ущерба из-за злоупотребления наукой. И это, как мне кажется, правильный метод философской эклектики или мировой мудрости, который не является сторонником никого, но все проверяет и составляет лишь то, что может связать друг с другом в разуме или привести к образованию гармоничной системы»¹¹.

Эклектизм В. Кузена по форме был скептической селекцией, «рискованной встречей всех систем, где различные принципы приговариваются или оправдываются по их следствиям»¹². Но Кузен выделял в своем учении ядро — спиритуализм, универалистский и рационалистический: «Мы настаиваем на представлении эклектизма как учения, с которым мы сообразовали связать наше имя. Мы заявляем: наш эклектизм весьма богат, без сомнения, ибо в наших глазах он есть свет истории философии, но очаг этого света в другом месте. Эклектизм — одно из важнейших и полезнейших применений философии, которым мы следуем, но это не принцип.

Наше подлинное учение, наш подлинный флаг — спиритуализм»¹³.

Приоритет абсолютных идей Истины, Красоты и Блага — ядро спиритуализма Кузена — имел основание в бездеятельном Боге как сущностной причине. Трехчленка Кузена разворачивалась в классификацию фактов сознания: Истине соответствуют рациональные, Красоте — чувственные, Благости — волевые. Соответствовали им и человеческие способности: разум, чувство, воля. Способности сплетались в единстве сознания как его свет, как его внешнее условие и как его центр¹⁴. Кузен считал свой спиритуализм продолжением дела одновременно Сократа, Платона, евангелистов, Декарта и Канта. Универалистская и внеисторическая позиция, равно как и принципиальная вторичность, позволяли Кузену разлагать философские системы на части, оценивать их со стороны абсолютных идей — собственно, методическая часть эклектизма — отбраковывать лишнее, а фрагменты складывать в собственные сочинения.

Легкость слога и мысли — таково отличие творчества В. Кузена от барочности предшествовавшего эклектизма. Порою Кузену даже приписывают манерность «рококо»¹⁵. Сравнение не бесспорно. Вернее было бы признать, что противоречивая (эклектичная) ориентация одновременно на здравый смысл и на спиритуализм заставляли Кузена писать по возможности бессодержательно, вплоть до намеренного замалчивания содержания философских доктрин, на что позже указал Кузену Гегель. Хотя именно В. Кузен поднял авторитет истории философии во Франции, сделав ее доминирующей философской дисциплиной, его подход был чужд историзму и имел то следствие, что в истории философии Кузен видел только истории, а в философских произведениях, которые не укладывались в его представления, и того меньше — историю их создания и, говоря современным языком, «медийный шум». Так все, что Кузен считал нужным сказать о «Феноменологии духа», были описание сцены работы над последними страницами рукописи в занимаемой французами Иене и то, что книга не привлекла широкого внимания в охваченной войной стране¹⁶.

Вряд ли Кузен нуждается в оправдании, но помимо причин методического характера, проблема его понимания философии Гегеля лежала в педагогической плоскости. Иначе говоря, в легендарной и даже анекдотичной «непереводимости» гегелевской мысли самим классиком¹⁷. Действительно, Гегель называл поездки Кузена в Германию его «философскими курсами»¹⁸, и велись эти курсы на французском языке¹⁹. Тем не менее гость более всего был увлечен беседами с Гегелем не на философские, а на политические темы²⁰. Гегель не противился, а для разбора специальных философских вопросов доверял французу ученикам. Больше всех помогали Кузену осваивать гегелевскую Систему двое: в Гейдельберге триады толковывал Кузену Фридрих Вильгельм Карове (Carové), а позже, в Берлине — Карл Людвиг Мишле (Михелет, Michelet).

Нужно согласиться с Куно Фишером, который вступает за Виктора Кузена:

«Что бы мы ни думали о степени понимания Кузенoм философии Гегеля и немецкой философии вообще, все же нельзя не признать, что он сразу почувствовал значение и величие Гегеля, что он живо заинтересовался его философско-историческими идеями и беседами и чрезвычайно содействовал славе имени Гегеля во Франции»²¹.

Кажется — и далее в этом можно будет убедиться, — начав с имен философских знаменитостей, Кузен способствовал славе только имен. Своего и их.

В письме от 1826 г. мы находим образчик его признаний в дружбе и верности философу. Кузен просил Гегеля прочитать его «Философские фрагменты» (Fragments philosophiques) и оценить его философский метод. Он надеялся на критику. Но более всего он ждал изложения самой гегелевской философской системы покороче, попроще и по-французски. Процитируем самую пронзительную часть: «Спуститесь немного с Ваших высот,

подайте мне руку... я прошу смилостивиться ради Франции. Гегель, скажите мне истину, и я принесу из нее в свою страну то, что там смогут понять»²².

Приведенные выше строки относятся к периоду, когда Кузен на восемь лет был отстранен от преподавания после прихода в правительство монархистов-консерваторов²³. Гегель долго тянул с ответом. Ясно, что просьба «сказать истину» характеризует понимание Кузеном хотя бы только Предисловия и Введения к «Феноменологии духа», не говоря об «Энциклопедии», и не могла получить ответ. Но Гегель по-дружески пообещал поддержать находившегося в опале Виктора Кузена публикацией статьи с анализом его работ. Именно желание сохранить отношения заставило философа отказаться от публикации критики трудов Кузена. Впрочем, в частной переписке Гегель не удержался от упрека. Позволим себе процитировать целиком соответствующие строки письма: «...у меня было одно чувство, мешавшее мне приступить к делу, и это связано с вплетенными в Ваше изложение историческими данными, относящимися к развитию философии в настоящее время у Вас и в других странах, в частности в Германии. Я хорошо представляю себе Ваше положение перед французской публикой, но все-таки не вижу необходимости входить в анализ исторических свидетельств и отношений. Если говорить коротко, то вот соображения, по которым я не имел оснований быть недовольным тем, что я сделал в философии. Ибо если уж мне кажется излишним то, что Вы говорите о положении в философии у нас вообще, то мне вполне может показаться еще менее необходимым распространить Ваш взгляд на более развитые эпохи. Таким образом, я не мог обойти молчанием и не говорить публично о том, что я предпочел бы, чтобы Вы не толковали обо всем том, что Вы говорите по части истории, в той манере, в какой Вы это делаете. Я должен был сказать, что философия Шеллинга, которую Вы упоминаете, содержит в своих основоположениях гораздо больше того, что приписываете ей Вы, и Вы сами, должно быть, отлично это знаете. Я бы не посмел корить Вас за молчание, но все же я был несколько смущен и у меня создалось впечатление умалчивания: вот... я колебался, прежде чем взяться за перо для того, чтобы публично отдать дань уважения значительности Вашего труда, так же как и Вашему таланту и Вашим заслугам, к чему меня побуждало еще и мое дружеское расположение к Вам»²⁴.

«Кузен мне друг — об истине ни слова», — так можно резюмировать отказ Гегеля. Его частный призыв Кузену «не толковать», т.е. помалкивать о немецкой философии, в частности, заступничество за философию Шеллинга, особенно примечательны. После того как в 1833 г., уже после смерти Гегеля, в Предисловии ко второму изданию «Фрагментов» Кузен воспел Шеллинга больше обычного, Шеллинг написал вступительное слово к немецкому изданию кузеновского Предисловия²⁵. Работа Шеллинга содержала не одну лишь похвалу Кузену, но расхождения с французом Шеллинг толковал как различия «национальных» типов философствования. Зато те несколько страниц²⁶, которые он посвятил

Гегелю, наполнены критикой, сводимой к утверждению нежизнеспособности попытки Гегеля развить и преодолеть основания его, Шеллинга, философии. По словам Шеллинга, Гегель подменил живой и реальный принцип философии тождества саморазвитием пустого понятия.

Смягчение внутренней политики Франции после назначения главой правительства Жана-Батиста де Мартиньяка вернуло Кузену место на кафедре современной философии Сорбонны, а Июльская монархия²⁷ ускорила его возвышение. Его карьера, начиная с 1830 г.: профессор Сорбонны, член Французской академии, член Академии моральных и политических наук, член Королевского совета по общему образованию, директор Высшей нормальной школы, государственный советник и член Палаты пэров, ректор Сорбонны, министр образования. С 1840 г. Кузен возглавлял жюри агрегасона по философии. Франция получила, как говорили современники, «короля философов»²⁸.

При жизни его именем назвали отрезок одной из улиц, окружающих Сорбонну. И сегодня, если сойти с бульвара Сен-Мишель и пересечь площадь Сорбонны — главную неогегельянскую локацию в 30-е гг. XX в. — по направлению к заложенной еще кардиналом Ришелье Капелле Сорбонны, затем в последний момент вспомнить, что Капелла давно закрыта, и повернуть направо, то окажешься на коротенькой улице Виктора Кузена. Позже с бесед в кафе на углу площади Сорбонны в 30-х гг. XX в. взяло начало «Введение в чтение Гегеля» А. Кожева.

Философия как образовательная дисциплина выиграла от триумфа В. Кузена: это он отстоял «право на философию» для 15-летних, и курс философии в лицеях Франции — заслуга Кузена²⁹. Однако работу академика, а затем и министра критиковали за конформизм, за предательство идеалов революции и навязывание философского канона³⁰. Основания для критики были: расположение властей к В. Кузену не оставалось без ответа. Победа его образовательной программы фактически была сделкой: философия укрепилась ценой идеологического служения Июльской монархии. Школа Кузена исключила из философских курсов все противное консерваторам и католикам — Гегеля в числе первых.

«Платон Антихриста»

Рынок идей, как и всякий другой, стремится к расширению ассортимента — не замедлили появиться желающие перевести философию Гегеля через Рейн. Хотя официально ворота «королевства» Виктора Кузена закрылись для гегелевских трудов, «контрабандисты» появились не без его попустительства. Все-таки Кузен не только козырял именами знаменитых немцев. Он ими заинтересовывал своих многочисленных учеников, предлагал читать книги, которым сам не мог дать содержательный комментарий. «Король философов», сам переводчик, побуждал других к изучению и переводу.

Кузен загнал себя в противоречивое положение. Первыми переводчиками Гегеля на французский язык стали и его ученики Шарль

Маглуар Бенар (Bénard) и Аугусто Вера (Vera), и критик Жан Валлон (Wallon). Порядок выхода переводов: «Курс эстетики» (1840–1852)³¹, «Субъективная логика Гегеля» (1854), «Энциклопедия философских наук» (1859–1868), «Философия религии» (1876–1878).

С первыми французскими исследованиями философии Гегеля было еще хуже, за них нередко брались в знак оппозиции Кузену и его школе. Имена первых исследователей: Жозеф Вильм (Joseph Willm), Эжен Лерминьер (Eugène Lerminier), Эмиль Боссир (Emile Beaussire), Этьен Вашеро (Étienne Vacherot) и др.³² мало известны не только в России. Французы называют их труппой «маленьких французских гегельянцев»³³. Кузен их критиковал и запутывал, давая противоречивые свидетельства о Гегеле, например, называл его либералом и монархистом одновременно³⁴. Однако в целом гегелевская мысль подавалась его современниками как оппозиционная — монархии, церкви и их служителям, таким как Кузен. В 1833 г. он жаловался Шеллингу на партию недоброжелателей: «...она меня ненавидит, потому что я не готов все сильнее и сильнее разрушать то небольшое от монархии, что нам осталось. Она меня ненавидит прежде всего потому, что я упрямо стою за участие религии в народном образовании»³⁵.

Непонимание росло. Как это бывает, помогала и граница. Так Фелисите Ламеннэ (Lamennais) вспоминал в переписке, что один «преисполненный достоинства немец» (un Allemand de beaucoup de mérite), которым, вероятно, был Фридрих Шлегель³⁶, охарактеризовал Гегеля как «Платона Антихриста»³⁷. Ламеннэ только знакомился с гегелевской философией, но характеристика не показалась ему вызывающей или неверной. Как только Гегеля не называли! Вспомним и поход Ф. Шеллинга на Берлин с целью искоренить «драконово семя гегелевского пантеизма»³⁸.

У первых французских интерпретаторов было имя Гегеля, полученное от В. Кузена, слухи из границы, сравнения с Сен-Симоном и Домом Дешаном³⁹ а также смесь обстоятельств и интересов. Не то чтобы этого было достаточно для стройной интерпретации учения немецкого классика, но хватило, чтобы во Франции прописались два Гегеля: первый — революционер, атеист и имморалист; второй — фаталист, пантеист и консерватор.

Еще больше спутал карты Карл Маркс, когда в 1844 г. в Париже опубликовал Введение «К критике гегелевской философии права»⁴⁰. Согласно Марксу, Гегель выявил основания немецкого status quo через идеальное построение потустороннего — хотя бы относительно Рейна — государства. Марксистской Критике осталось подтвердить слова Гегеля, доказав, что эти основания суть ancien regime, что они воплощены в государстве реформации (духовной) и, одновременно, самой пошлой реакции (политической), что они также лежат в скрываемых пороках государства революции. Маркс взялся за прочтение гегелевской философии права как «несвященного образа» самоотчуждения порядков Пруссии во всей их комичности со стороны Всеобщего. Однако Гегель, согласно Марксу, заслуживал вместе с тем «негодования» и «обли-

чения»⁴¹ как автор «*œuvres posthumes*»⁴² ветхого мира⁴³, ведь классик иронизировал по поводу стремлений преобразовать мир:

«Задача философии — постичь то, что есть, ибо то, *что есть*, есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый из них *сын своего времени*, и философия есть также время, *постигнутое в мысли*. Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос. Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит мир, *каким он должен быть*, то этот мир, правда, существует, но только в его мнении, в этом податливом материале, позволяющем строить что угодно»⁴⁴.

Позже австро-пруско-итальянская война у границ Франции и шокирующее поражение французов во франко-прусской войне породили в стране, потерявшей Эльзас и Лотарингию, яростный антигерманизм. На фоне исторических событий книги Гегеля выстроились «от теории к практике» — от Логике к Праву. Взгляду на Гегеля как на придворного философа прусской монархии, принесшей Франции унижение, способствовал и порядок выхода гегелевских работ: какой смысл читать начало системы, «Науку Логике», не говоря уже о Введении в систему — «Феноменология духа» никого не интересовала — когда выводы были на стороне прусского сапога, устроившего в Версале плац? Гегель, как и немецкая мысль в целом, перестали восприниматься как философия, стали вражеской идеологией и отныне достойной лишь критики, а не изучения. Первая мировая война принесла тому подтверждение. Александр Койре в 1930 г. назвал это неприязнью, «нерасположенностью»⁴⁵ французской мысли к гегелевской системе. Жан Ипполит говорил: «Франция была глуха к гегелевскому влиянию»⁴⁶.

Ипполит преувеличивал. В 30–40-е гг. XIX в. Французская академия пыталась сформировать собственное отношение к немецкой философии и гегелевской философии в особенности. Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля можно было освещать в образовательных курсах по-разному, можно было и вовсе обойти их вниманием — Академия для поиска решения объявила конкурс, который длился девять лет. Но в Академии численно доминировала и имела известный «административный ресурс» школа Кузена. Благодаря ее усилиям в 1845 г. была провозглашена «нерушимая верность»⁴⁷ картезианству. Вот напоминающий советскую «критику буржуазной философии» вердикт:

«Учение Гегеля — необходимая развязка драмы немецкой философии; однако, истина не в последних результатах гегелевской школы. Учение о тождестве бытия и мышления на наших глазах ведет путем пантеизма к вере в вульгарный материализм, выводам которого противился наш XVIII век. За этими тривиальными следствиями из парадоксальных предпосылок мы истину не признаем»⁴⁸.

Железная лояльность режиму положила конец карьере Кузена через несколько лет. «Король философов» пал вместе с «королем французов».

Пришла «Весна народов». Еще с министерским портфелем, но уже потерявший влияние, Кузен в 1849 г. столкнулся в Париже с приехавшим из революционного Берлина старым знакомым, «патриархом гегельянства», как его назвал Жак Д'Онт⁴⁹, Карлом Мишле. Раздраженный В. Кузен бросил ему: «Именно ваша философия сгубила Францию!»⁵⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гегель Г.В.Ф. Гегель – жене // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. С. 494.

² Фишер К. История новой философии. Т. 8. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Кн.1. – М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1933. С. 593.

³ Гегель Г.В.Ф. Гегель – Нитхаммеру // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. С. 255.

⁴ Маститый гегелевед Бернар Буржуа предложил простой критерий получения мыслителем места во французской философии: включенность его трудов в программу подготовки к престижнейшему общенациональному конкурсу – l'agrégation de philosophie (см.: *Bourgeois B. Hegel en France: le destin français des Principes de la philosophie du droit // Bourgeois B. Études hégéliennes. Raison et décision.* – Paris: PUF, 1992. P. 371. См. также: *Сулье III. Анатомия философского вкуса // Логос. 2014. № 3–4 (43). С. 123–170*). Гегель попал в Программу лишь в результате роста популярности, обеспеченного ему французским неогегельянством, после Второй мировой войны (см.: *Hyppolite J. La «Phénoménologie» de Hegel et la pensée française contemporaine // Hyppolite J. Figures de la pensée philosophique. Écrits 1931–1968. Т. 1.* – Paris: PUF, 1991. P. 235), а в письменную часть конкурсного экзамена и того позже (*Schrift A.D. Effects of the Agrégation de Philosophie on Twentieth-Century French Philosophy // Journal of the History of Philosophy. Johns Hopkins University Press. 2008. № 3 (46). P. 458*).

⁵ Гладильщица из предместья столицы родила сына Виктора спустя два месяца после провозглашения Первой французской республики. Ему повезло получить отличное школьное образование и в 18 лет он победил в национальном конкурсе на знание греческого языка. Победа освободила его от военной службы и дала место в Высшей нормальной школе (l'École normale supérieure). В 22 года В. Кузена избрали замещающим преподавателем (professeur suppléant) кафедры истории зарубежной философии Сорбонны.

⁶ Смерть мадам де Сталь в июле 1817 г. могла укрепить Кузена в желании отправиться за гением «в высшей степени метафизической» нации (см.: *Staël-Holstein G. de. De l'Allemagne, par Mme la Baronne de Staël-Holstein. Т. 3.* – Paris: Nicolle, 1814. P. 96). О влиянии мадам де Сталь и более широком контексте восприятия немецкой философии во Франции см.: *Визгин В.П. Франкофоб Франсуа Везен и германофилка Жермена де Сталь: к правдивой истории франко-германского философского диалога // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 137–144.*

⁷ *Cousin V. Préface de la deuxième édition des Fragments philosophiques // Cousin V. Fragments philosophiques: pour servir à l'histoire de la philosophie.*

2e édition. – Paris: Ladrangue, 1833. P. XXXVII. Свидетельство, как кажется, не лишено лукавства.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. С. 374.

⁹ Там же. С. 373.

¹⁰ Гейне в воспоминаниях современников / сост., предисл. и коммент. А. Дмитриева. – М.: Художественная литература, 1988. С. 170.

¹¹ Цит. по: Крупнин Г.Н. Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени // Философский век. Альманах. Вып. 3. Христиан Вольф и русское вольфианство. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 1998. С. 55.

¹² Cousin V. Du vrai, du beau et du bien. – Paris: Didier, 1853. P. III.

¹³ Ibid. P. III–IV.

¹⁴ Специальный разбор сознания в спиритуализме В. Кузена см.: Кротов А.А. Трактовка сознания в «эклетиическом спиритуализме» В. Кузена // Философия сознания: история и современность. Материалы научной конференции, посвященной памяти профессора МГУ А.Ф. Грязнова (1948–2001). – М.: Современные тетради, 2003. С. 121–127.

¹⁵ Bernard C. Victor Cousin ou La religion de la philosophie: avec une anthologie des discours à la Chambre des pairs (avril–mai 1844). – Toulouse: Presses Universitaire du Mirail, 1991. P. 19.

¹⁶ Cousin V. Souvenirs d'Allemagne // Revue des Deux Mondes. 1866 (64). P. 614.

¹⁷ Анекдот о Гегеле, якобы отказавшемся пересказывать свою философию «коротко, популярно, и по-французски», получил превосходный разбор в статье известного кантоведа А.Н. Круглова «О том, как не следует писать статьи: три примера из обрусевшего Гегеля» // История философии в формате статьи / сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Культурная революция, 2016. С. 145–146.

¹⁸ Barthélémy-Saint-Hilaire J.M. Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance. T. 1. – Paris: Alcan, Hachette, 1895. P. 82.

¹⁹ Иначе, как шутил Гейне, Кузен с его знанием немецкого был бы в Германии «глухонемым» (см.: Heine H. Œuvres de Henri Heine. T. 6. De l'Allemagne. – Paris: Renduel, 1835. P. 250. Впрочем, сам Кузен так не считал: «Гегель знал французский не намного лучше, чем я – немецкий» (Cousin V. Fragments philosophiques: pour servir à l'histoire de la philosophie. P. XXXVII).

²⁰ См.: Cousin V. Souvenirs d'Allemagne. P. 594–619; Macherey P. Les Débuts philosophiques de Victor Cousin // Corpus. 1991. № 18–19. P. 29–49.

²¹ Фишер К. История новой философии. Т. 8. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Кн. 1. С. 94.

²² Цит. по: Barthélémy-Saint-Hilaire J.M. Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance. T. 1. P. 188–189. Справедливости ради стоит заметить, что Кузен был даже согласен осилить несколько страниц на немецком (Ibid. P. 189).

²³ Монархист Арман-Эммануэль де Ришелье и сменивший его ярый реакционер Жан-Батист Виллель обесценили достижения хартии 1814 г. Кузен в 1820 г. вынужденно оставил преподавание. Годы отлучения от кафедры он провел в

путешествиях, в работе над переводами и редактурой текстов, а также занимался, вероятно (см.: *Д'Онт Ж.* Гегель. Биография. – СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 457–479), тайной деятельностью в пользу противников реакции, за что был арестован в Дрездене. Гегель в 1824 г. заступился за Кузена перед прусским министром внутренних дел фон Шукманном (см.: *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 2. С. 469–472). В конце концов, француза отпустили без снятия обвинений.

²⁴ Там же. С. 520.

²⁵ Предисловие ко второму изданию «Фрагментов» было переведено на немецкий и опубликовано как отдельное произведение: *Cousin V. Über französische und deutsche Philosophie / von Dr. Hubert Bekkers, Vorrede von Schelling.* – Stuttgart und Tübingen: Cotta'schen Buchhandlung, 1834. Шеллинг, таким образом, сочинил предисловие к предисловию. Как пишет авторитетный шеллинговед П.В. Резвых, «предисловие к Кузену вызвало широкий резонанс как в Германии, так и за ее пределами, в том числе в России» (*Резвых П.В.* Ф.В.Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/re8.html>).

²⁶ *Schelling F.W.J. Nebst einer beurtheilenden Vorrede // Cousin V. Über französische und deutsche Philosophie.* S. XIII–XV.

²⁷ О критическом отношении Гегеля к Июльской революции см.: *Фушер К.* История новой философии. Т. 8. Гегель, его жизнь, сочинения и учение. Кн. 1. С. 593–594.

²⁸ Цит. по: *Puisais É.* La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870 / Préface de Jacques d'Hondt. – Paris: L'Harmattan, 2005. P. 143.

²⁹ См.: *Cousin V.* Défense de l'Université et de la philosophie: discours prononcés à la Chambre des pairs. – Paris: Joubert, 1845. См. также: *Derrida J.* Du Droit à la philosophie. – Paris: Galilée, 1990.

³⁰ «Якобинская» централизованность философского образования сохранялась до конца XX в. Изменения после мая 1968 г. расширили, но не упразднили канон. Его размывание началось лишь после реформы 2003 г. (см.: *Сokolova Т.* Особенности философского образования: случай Франции // Логос. 2013. № 1 (91). С. 218–239).

³¹ *Hegel G.W.F.* Cours d'esthétique. / trad. C. Bénard. – Paris: Ladrangé, T. 1. 1840; T. 2. 1843; T. 3. 1848; T. 4. 1851; T. 5. 1852. Это единственный перевод, вышедший при Кузене-министре. Издание примечательно тем, что по нему В.А. Модестовым был выполнен первый русский перевод: «Курс эстетики, или Наука изящного» в пяти томах, опубликованных с 1847 по 1869 г.

³² А также Баршу де Пенуэн (Barchou de Penhoen), Огюст Отт (Auguste Ott), Луи Прево (Louis Prévost), Ипполит Тэн (Hippolyte Taine), Поль Жане (Paul Janet), Фуше де Карей (Foucher de Careil), Эльм-Мари Капо (Elme-Marie Caro), Альфред Вебер (Alfred Weber). Единственное специальное исследование работ первых французских гегелеведов принадлежит Эрику Пюисэ, ученику Бернара Буржуа (см.: *Puisais É.* La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870. – Paris: L'Harmattan, 2005).

³³ «...troupe des „petits hégéliens français“» (см.: d'Hondt J. Préface // Puisais É. La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870. P. 11). Как справедливо замечает Д'Онт, они не были связаны ничем, за что их можно было бы считать «школой» (Ibid. P. 23).

³⁴ Cousin V. Promenade philosophique en Allemagne // Revue des Deux Mondes. 1957 (11). P. 546.

³⁵ Цит. по: Barthélémy-Saint-Hilaire J.M. Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance. T. 3. – Paris: Hachette, Alcan, 1895. P. 75.

³⁶ Ф. Шлегель говорил о Гегеле схожим образом: «Система отрицания была бы еще более дурна, чем атеизм или обожествление Я и самости (Фихте), она была бы подлинным обожествлением отрицающего духа, стало быть, на деле философским сатанизмом» (*Schlegel F. Philosophische Vorlesungen. Bd. II. – Bonn, 1837. S. 497.* Цит. по: Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. – М.: Наука, 1987. С. 507). А то, что Ламеннэ был знаком со Ф. Шлегелем, общеизвестно (см.: Derré J.-R. Lamennais, ses amis et le mouvement des idées à l'époque romantique, 1824–1834. – Paris: Klincksieck, 1962).

³⁷ Lamennais F. Œuvres posthumes de F. Lamennais publiées selon le vœu de l'auteur par E.D. Forgue. Correspondence. T. 2. – Paris: Paulin et le Chevalier, 1859. P. 125. Остроумное разоблачение Антихриста в трудах уже не Гегеля, но представителя французского неогегельянства, Александра Кожева, художественно изложено в статье Петра Новака «Прием Антихриста» (см.: Отечественная мысль XX века в контексте мировой философии: Материалы международной конференции. Москва, 11–12 декабря 2013 г. / отв. ред. А.И. Алешин. – М.: РГГУ, 2013. С. 105–115).

³⁸ Гулыга А.В. Шеллинг. – М.: Молодая гвардия, 1984. С. 271.

³⁹ См.: Beaussire É. Antécédents de l'hégélianisme dans la philosophie française. Dom Deschamps, son système et son école d'après un manuscrit et des correspondances inédites du XVIIIe siècle. – Paris: Baillière, 1865.

⁴⁰ Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung // Deutsch-Französische Jahrbücher. – Paris: Bureau der Jahrbücher, 1844. S. 71–85. Пеперод опубликовали через 50 лет: Marx K. Critique de la philosophie du droit de Hegel / trad. É. Fortin // Devenir social. – Paris: Giard et Brière, septembre de 1895. P. 501–516. Гегелевскую «Философию права» перевели на французский язык только в 1940 г.

⁴¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. – М.: Политиздат, 1955. С. 417.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 420.

⁴³ Более откровенную критику Гегеля Марксом за преклонение перед бюрократией и монархией см.: Маркс К. К критике гегелевской философии права. С. 291.

⁴⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. С. 55.

⁴⁵ Koyré A. Études d'histoire de la pensée philosophique. – Paris: Gallimard, 1971. P. 225.

⁴⁶ «La France a été rebelle à l'influence hégélienne» (Hyppolite J. Hegel et Kierkegaard dans la pensée française contemporaine // Hyppolite J. Figures de la pensée philosophique. Écrits 1931–1968. T. 1. – Paris: PUF, 1991. P. 197.

⁴⁷ «...inviolablement fidèle» (*Rémusat C. de. Académie des sciences morales et politiques de la philosophie allemande: rapport à l'Académie des sciences morales et politiques.* – Paris: Ladrangé, 1845. P. 208).

⁴⁸ Ibid. P. 206. Цитата из опубликованного отдельным изданием отредактированного текста доклада Шарля де Ремюза, одного из наиболее выдающихся учеников эклектической школы. Любопытно то, что доклад, реально прочитанный в Академии моральных и политических наук весной 1845 г., был гораздо менее «партийным» и фактически был первым громким сообщением во французской академической жизни о проблемах в понимании философии Гегеля (см.: *Séances et travaux de l'Académie des Sciences morales et politiques: compte rendu par Mm. Ch. Vergé et Loiseaut / sous la direction de M. Mignet. T. 7.* – Paris: Moniteur universel, 1845. P. 291–344, в частности P. 328. См. также: *Bellantone A. Hegel en France: de Cousin à Hyppolite // L'Europe en question. Cahiers critiques de philosophie / Paris VIII, Département de philosophie / direction de la publication Bruno Cany.* – Paris: Hermann, 2007. № 5. P. 37–66.

⁴⁹ *D'Hondt J. Hegel et l'hégélianisme.* – Paris: PUF, 1991. P. 43–44.

⁵⁰ «C'est votre philosophie qui a perdu la France!» (*Michelet K.L. Wahrheit aus meinem Leben.* – Berlin: Nicolai, 1884. P. 123. Цит. по: *Serreau R. Hegel et l'hégélianisme.* – Paris: PUF, 1968. P. 91). Слова В. Кузена – парафраз тезиса роялистов времен Первой империи. Через 65 лет после встречи Кузена и Мишле о губительном влиянии Гегеля на Францию уже писали на первых полосах газет.

REFERENCES

- Barthélémy-Saint-Hilaire J.M. *Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance.* T. 1. Paris, Alcan, Hachette, 1895. 704 p.
- Barthélémy-Saint-Hilaire J.M. *Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance.* T. 3. Paris, Hachette, Alcan, 1895. 542 p.
- Beaussire É. *Antécédents de l'hégélianisme dans la philosophie française. Dom Deschamps, son système et son école d'après un manuscrit et des correspondances inédites du XVIIIe siècle.* Paris, Baillière, 1865. 252 p.
- Bellantone A. Hegel en France: de Cousin à Hyppolite In: *L'Europe en question. Cahiers critiques de philosophie.* Paris, Hermann. 2007. No 5, pp. 37–66.
- Bernard C. *Victor Cousin ou La religion de la philosophie: avec une anthologie des discours à la Chambre des pairs (avril-mai 1844).* Toulouse, Presses Universitaire du Mirail, 1991. 158 p.
- Bourgeois B. *Études hégéliennes. Raison et décision.* Paris, PUF, 1992. 404 p.
- Cousin V. *Défense de l'Université et de la philosophie: discours prononcés à la Chambre des pairs.* Paris, Joubert, 1845. 410 p.
- Cousin V. *Du vrai, du beau et du bien.* Paris, Didier, 1853. 493 p.
- Cousin V. *Fragments philosophiques: pour servir à l'histoire de la philosophie.* 2e édition. Paris, Ladrangé, 1833. 468 p.
- Cousin V. Souvenirs d'Allemagne. In: *Revue des Deux Mondes.* 1866. No 64, pp. 594–619.

Cousin V. Promenade philosophique en Allemagne. In: *Revue des Deux Mondes*. 1957. No 11, pp. 534-560.

Cousin V. *Über französische und deutsche Philosophie von Dr. Hubert Bekkers*. Vorrede von Schelling. Stuttgart und Tübingen, Cotta'schen Buchhandlung, 1834. 90 s.

D'Hondt J. *Hegel: Biographie*. Paris, Calmann-Lévy, 1998. 424 p.

D'Hondt J. *Hegel et l'hégélianisme*. Paris, PUF, 1991. 128 p.

Derré J.-R. *Lamennais, ses amis et le mouvement des idées à l'époque romantique*, 1824-1834. Paris, Klincksieck, 1962. 763 p.

Derrida J. *Du Droit à la philosophie*. Paris, Galilée, 1990. 663 p.

Fischer K. *Hegels Leben, Werke und Lehre*. In: Fischer K. *Geschichte der neueren Philosophie*. Heidelberg, Winter, 1911. 596 s.

Gulyga A.V. *Schelling*. Moscow, Molodaya gvardya, 1984. 317 p. (in Russian).

Hegel G.W.F. *Briefe von und an Hegel*. Band 3: 1823-1831. Hrsg J. Hoffmeister. Hamburg, Meiner, 1969. 486 s.

Hegel G.W.F. *Werke* 7. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Mit Hegels eigenhändigen Notizen und den mündlichen Zusätzen. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1970. 523 s.

Hegel G.W.F. *Werke* 12. *Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1970. 560 s.

Heine H. *Œuvres de Henri Heine*. T. 6. De l'Allemagne. Paris, Renduel, 1835. 717 p.

Heine in the memoirs of contemporaries. A. Dmitrieva (ed.). Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1988. 575 p. (Russian trans.).

Hyppolite J. *Figures de la pensée philosophique*. Écrits 1931-1968. T. 1. Paris, PUF, 1991. 516 p.

Koyré A. *Études d'histoire de la pensée philosophique*. Paris, Gallimard, 1971. 364 p.

Kruglov A.N. How papers should not be written: three examples of Russianized Hegel. In: *History of philosophy in the form of an article*. Yu.V. Sineokaya (ed.). Moscow, Kulturnaya revoliutsia, 2016, pp. 141-150 (in Russian).

Krupnin G.N. Chr. Wolff's philosophy in the context of theoretical problems of the Modern age. In: *The Philosophical Age Almanac*. No 3. Christian Wolff and Russian Wolffianism. Saint Petersburg, 1998, pp. 47-71 (in Russian).

Lamennais F. *Œuvres posthumes de F. Lamennais publiées selon le vœu de l'auteur par E.D. Forgue*. Correspondence. T. 2. Paris, Paulin et le Chevalier, 1859. 504 p.

Lukács G. *Der junge Hegel: Über die Beziehungen von Dialektik und Ökonomie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1948. 875 s.

Macherey P. Les Débuts philosophiques de Victor Cousin. In: *Corpus*. 1991. No 18-19, pp. 29-49.

Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung. In: *Deutsch-Französische Jahrbücher*. Paris, Bureau der Jahrbücher, 1844. S. 71-85.

Nowak P. The Reception of the Anti-Christ. In: *Russian thought of the XX century in the context of world philosophy: Proceedings of International Conference*. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2013, pp. 105-115 (in Russian).

Puisais É. *La naissance de l'hégélianisme français, 1830-1870*. Préface de Jacques d'Hondt. Paris, L'Harmattan, 2005. 296 p.

Rémusat C. de. *Académie des sciences morales et politiques de la philosophie allemande: rapport à l'Académie des sciences morales et politiques, précédé d'une introduction sur les doctrines de Kant, de Fichte, de Schelling et de Hegel*. Paris, Ladrangé, 1845. 209 p.

Rezvykh P.V. Schelling in the dialogue with the russian intellectuals. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2008. No 91, pp. 141-186 (in Russian).

Schrift A.D. Effects of the Agrégation de Philosophie on Twentieth-Century French Philosophy. In: *Journal of the History of Philosophy*. Johns Hopkins University Press. 2008. No 3 (46), pp. 449-473.

Séances et travaux de l'Académie des Sciences morales et politiques: compte rendu par Mm. Ch. Vergé et Loiseaut / sous la direction de M. Mignet. T. 7. Paris, Moniteur universel, 1845. 504 p.

Serreau R. *Hegel et l'hégélianisme*. Paris, PUF, 1968. 128 p.

Sokolova T. Features of Philosophical Education: the Case of France. In: *Logos*. 2013. No 1 (91), pp. 218-239 (in Russian).

Soulié C. Anatomie du goût philosophique. In: *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1995. No 109, pp. 3-28.

Staël-Holstein G. de. *De l'Allemagne, par Mme la Baronne de Staël-Holstein*. T. 3. Paris, Nicolle, 1814. 415 p.

Vizgin V.P. Francophobe Francois Wesen and germanophile Germaine de Stael: by the true history of franco-german philosophical dialogue. In: *Voprosy filosofii*. 2012. No 8, pp. 137-144 (in Russian).

Аннотация

Читателю предлагается историко-философский очерк о роли Виктора Кузена в развитии гегелеведения во Франции в первой половине XIX в. Автор сопоставил работы В. Кузена, переписку, свидетельства и документы эпохи, чтобы показать, как они задали рамки прочтения гегелевской мысли до XX в. Автор утверждает, что в освоении Францией гегелевской мысли В. Кузен сыграл важную роль посредника, многократно, хотя и бессодержательно, говорившего о Гегеле. Содержательное знакомство французского университетского сообщества с гегелевской мыслью происходило медленно, так как ему мешал сам посредник – Виктор Кузен.

Ключевые слова: Виктор Кузен, Гегель, французская философия, XIX век.

Summary

The article is an essay on the role of Victor Cousin in the development of Hegel studies in France in the early 19th century. Author compares Cousin's works, correspondence and contemporary documents to show how they established a particular framework of perceiving hegelian thought before 20th century. Author claims that Cousin played a key role in how France explored Hegel's philosophy: Cousin was an important medium, who used to bring up Hegelian philosophy, though, his endeavors were often misleading. Proper acquaintance with Hegel's thought in France was propagating slowly as it was obstructed by the medium itself – Victor Cousin.

Keywords: Victor Cousin, Hegel, French philosophy, 19th century.